

Н. В. Аввакумова

ОБРАЗ КРАЙНЕГО СЕВЕРА В ПРОЗЕ К. Д. НОСИЛОВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается творчество русского писателя, хорошо известного на рубеже XIX–XX веков и практически забытого в наше время, К. Д. Носилова, который внёс огромный вклад в освещение «северной» тематики в отечественной литературе.

Ключевые слова: К. Д. Носилов, природа и человек, образ Крайнего Севера, северная тема, инородцы.

К концу XIX – началу XX века в произведениях многих известных русских авторов отчётливо прослеживается кризис личности, конфликт «человека и среды». В региональной литературе Тюменского края наблюдается иная тенденция. В работах таких авторов, как Н. М. Ядринцев, Н. М. Чукмалдин, Н. А. Лухманова, М. С. Знаменский и других «человек» и «среда», как правило, являются единым целым, гармоничным дополнением друг друга. Особенно это касается произведений этнографического характера, когда речь идёт об аборигенном населении Крайнего Севера. Роль «среды» выполняет северная природа, частью которой являются герои произведений писателей региона. Делая акцент на гармоничном сосуществовании человека и природы, данные авторы, тем не менее, изображают обитателей северных широт в основном в негативном контексте. Они и «дикари», и «отсталые люди», и даже «скорее звери, чем люди». С совершенно иной позиции к описанию вогулов и самоедов подходит К. Д. Носилов, писатель-этнограф, чьё творчество также приходится на вышеуказанный период. Аборигены в его очерках и набросках являются эталоном взаимодействия человека с природной средой, которое даёт им массу преимуществ по сравнению с цивилизованным человеком – это интуиция, смелость, находчивость, мужество, отличное знание природных явлений и способность применить их в жизни. И в этом особенность носиловской прозы. Таким образом, актуальность данной работы видится нам в индивидуальном подходе Константина Дмитриевича к освещению образов «северного человека» и «северной природы», являющихся основными константами образа Крайнего Севера.

Новизна работы заключается в попытке анализа творчества писателя, так как широкому кругу читателей Константин Дмитриевич

не известен. В работах советского периода, посвящённых характеристике русской литературной жизни конца XIX–начала XX века его имя почти не упоминается. Некоторые сведения о нём можно найти лишь в специальных научных трудах (Мыслина, Янко), публицистических очерках (Омельчук, Беспалова, Осинцев, Вехов) и архивных документах, которые сохранились благодаря краеведам и исследователям жизни Носилова: его секретарю К. Н. Донских и краеведу В. П. Бирюкову.

К. Д. Носилов родился в 1858 году в зауральском селе Маслянское и с детства проявлял интерес к традициям и обычаям других народов. Тюменский писатель А. К. Омельчук в очерке «К. Носилов» пишет: «Часто наблюдая, как с юга тянутся одnogорбые казахские верблюды, груженные широкими мешками с соблазнительными арбузами, он замирал в искусительной истоме – так невыразимо притягательно, так неотвратимо заманчиво было это завораживающее шествие» [5. С. 14].

В разделе «Детские годы» очерка В. П. Бирюкова «Писатель-земляк К. Д. Носилов» говорится о том, что Носилов «с детства хотел быть странником» [1. С. 16]. В юности Константин Дмитриевич так сформулировал свои жизненные цели: «Порча бумаги и бродяжничество». Потом начались его хождения по Уралу, Крайнему Северу. В 1879 году в «Екатеринбургской неделе» был напечатан первый очерк К. Носилова «Путевые заметки».

А в 1884 году в типографии А. С. Суворина вышла его первая книга «С Оби на Печору», однако своим литературным дебютом Константин Дмитриевич считал «Историю одного самоеда», опубликованную в 1895 году.

В большую литературу Носилова «благословил» А. П. Чехов, ценивший его писательское дарование. Высокого мнения о его литературном таланте были и П. П. Бажов и

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Известные издатели того времени, супруги Тихомировы, считали Носилова первооткрывателем Севера и предложили ему монополию на эту интересную и популярную тему. Этому же мнению придерживались и в других уважаемых изданиях. Так, в «Журнале для всех» его имя стоит рядом с Иваном Буниным, Андреем Белым, Константином Бальмонтом. В других журналах и сборниках его рассказы рядом с произведениями Николая Телешова и Сергея Елпатьевского, Николая Златовратского, Александра Куприна.

Всего Носиловым было написано около двух тысяч произведений. Наибольшую известность получили «История одного самоёда», «Ясак», «Через 10 лет», «По следам князя Курбского», «Рождество в снегу», «Цинга», «Таня Логай» и другие.

Образ Севера в литературе нашего края сложен и противоречив, его константы чрезвычайно многообразны. Произведения К. Д. Носилова – не исключение. В отличие от таких авторов, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Лухманова, Н. М. Чукмалдин, он редко восхищается красотами северной природы. Для него она, как правило, «уныла, скучна, однообразна».

И, тем не менее, читая произведения автора, мы не можем сказать о его негативном отношении к окружающему пространству. Наблюдается некая двойственность образа. С одной стороны, это «страна изгнания», куда инородцы были вытеснены жизненными обстоятельствами с теплого Юга. С другой – «дикий край, где на каждом шагу всё новое и... полярная природа какой-то таинственно-неотразимой силой притягивает к себе человека» [4. С. 32].

Двойственность также видна в противопоставлении и одновременном слиянии пространства «покоя» и «возрождения». Так, хронотопический образ крайнего Севера в творчестве Носилова представляет его, с одной стороны, страной холода, зимы, ночи. Особенно ясно это прослеживается в цикле очерков и набросков «На Новой Земле». Усиливает данное представление и упоминание о «долгих-долгих зимних ночах», «вечном холоде», «затяжной зиме», словно пространство и время становятся некоей единой субстанцией, сливаясь в которую ещё более высвечивают «вечную, могильную мерзлоту северной земли».

И хотя летом там довольно жарко, в литературных пейзажах писателя мы практически не находим упоминания о тёплых, пригожих днях.

Это край безжизненного и беспредельного (аллюзия космической вечности) пространства.

С другой стороны, Носилов постоянно упоминает о том, что Север обильно населён дикими животными, четвероногим обитателям этого холодного края писатель посвятил серию рассказов («Наши инженеры», «Поночки», «Яхумберт» и т. д.). Таким образом, это отнюдь не inferнальный хронотоп «окончательной безжизненности», а скорее «временного умирания, засыпания»: лиминальный хронотоп смертельного испытания, преодолев которое человек становится сильнее, мужественнее, возрождается духовно. Имеет это отношение и к самому Носилову, которого Север «настоящему закалил».

Одним из характерных для творчества писателя приёмов поэтики является олицетворение. Знакомя читателя с природой края, он относится к ней не как человек пришлый, а пытается взглянуть на окружающий мир глазами аборигенов, для которых «всё вокруг: и тайга, и речка, и болотные топи – живое» [4. С. 81]. Возможно, поэтому лес у Носилова «угрюмый», а тундра «пробуждается от затяжного сна». Для описания края писатель использует самые различные эпитеты. Север у него и «суровый», и «богатый», и «неизведанный», и «манящий», что также свидетельствует о неоднозначном отношении автора к этой земле.

Природа и человек в творчестве писателя представляют собой единое целое. Обитатель северных широт умело и талантливо «вписан» в пейзаж и по замыслу художника является его гармоничным дополнением.

Сопоставление сложившегося в русской литературе мифа о том, что на крайнем Севере проживают дикие, отсталые, недоразвитые инородцы, с собственными наблюдениями стали своеобразным приёмом в очерках и набросках Носилова.

Носилов никогда не делает акцента на неопрятности, нечистоплотности инородцев, в то время как другие исследователи обязательно подмечали эти особенности аборигенов. Вот, например, что пишет П. П. Инфантьев в своём рассказе «Путешествие к лесным людям»: «Духота в избушке была страшная, но так как я был сильно утомлен, то, не дожидаясь, пока очередь единственного самовара дойдет до нас, забрался на верхние нары и тотчас же уснул. Однако сон мой не был продолжителен. Проснувшись, я почувствовал, что тело мое горело точно в огне: нары были переполнены блохами

и клопами. Промучившись всю ночь в духоте и изъеденный докучливыми насекомыми, я вышел поутру на свежий воздух» [2. С. 49].

Для Носилова обитатели тундры и тайги – добродушные, милые, искренние люди. Ярче всего он высвечивает их человеческие достоинства, что является только его, носиловской, составляющей образа жителя этого сурового края. Так, описывая своего друга охотника Лобсинью («Таинственное из жизни вогулов»), писатель не жалеет эпитетов. Он и «смелый», и «толковый», и «по-детски простодушный», и «мужественный». Негативный контекст мы встречаем только однажды, в очерке «Через десять лет», когда все старания автора помочь аборигенам закончились провалом. Используя метафору, Носилов называет вогулов «пасынками природы». И то это больше сожаление, чем осуждение.

Отношение героев к природе – трепетное. Они ею «живут», так как она «даёт им и кров, и пищу, и одеяние» [3. С. 65]. Кроме того, обладает «душой», они её «чувствуют и понимают». Но в произведениях Носилова природа ассоциируется не только с жизнью. Автор пишет, что человек в тундре всегда «на грани», по одну сторону которой – жизнь, по другую – смерть. Используя приём контраста, Носилов в одном из своих лучших очерков «История одного самоеда» рисует сначала образ лихого, отважного охотника Фомы Вылки, которому «всё нипочём» и который смело отправляется в необжитое и суровое даже для северного аборигена место – «Новую землю», называемую писателем «соседкой полюса». И вот во время одного из промыслов Фома вместе с женой и сыном Ваней оказываются один на один с голодной смертью. Герой очерка, которому «не было равных в охоте и отваге», превращается в «скорчившуюся фигуру». Носилов, повидавший немало всего во время своих северных поездок, не скрывает ужаса: «на него было страшно смотреть: он до того отошал, что мертвец в сравнении с ним мог бы показаться ещё приличным» [3. С. 224].

Несмотря на это, отношение коренных жителей к природе не меняется, они никогда не обвиняют её в своих бедах, причину которых ищут «наивно, по-детски», но в себе.

Носилов для аборигенов – свой человек, но в то же время и чужой, человек цивилизации. Таким образом, мы видим здесь традиционную антитезу «своего» – «чужого», которая проявляется не только во взаимоотношениях автора

и аборигенов, но и автора и описываемой им местности. Для него Север одновременно чужой, холодный край и место, в силу длительного проживания ставшее вторым домом. «Чужое» в данном случае не отталкивает, не пугает, а является неким дополнением «своего». Носилов предстаёт перед читателем наблюдателем, реформатором, благодетелем, открывающим школы, храмы, обучающим аборигенов «и грамоте, и слову Божию». Он наравне с ними переносит и тяготы суровой жизни, и капризы северной природы. Будучи человеком, который способен «наравне с инородцами жить их жизнью», будучи другом аборигенов, он, тем не менее, никогда не станет до конца «своим». Так, на рождественские праздники «он непременно хотел оказаться среди русских», проделав самый сложный путь по горной дороге зимой «до ближайшего русского селения».

Но классификация на «своих» и «чужих» в очерках Носилова происходит не по национальному признаку. Есть здесь «свои – чужие» русские. Такие, например, как сам автор, русские священники, приехавшие в «дикий край нести веру христианскую», учителя, просвещающие инородцев. И действительно «чужие» русские. Купцы, торговцы, мелкие чиновники, обирающие «детей природы».

Носилов противопоставляет аборигенов русским, наживающимся на их слабости и доверчивости. Купцы в произведении – «торгаши», к вогулу же автор сочувственно обращается «голубчик». Писателя возмущает то, каким образом происходит обмен, и он всячески пытается отговорить инородцев от неравноценной сделки, но тщетно. «Торгаши» хорошо знают их слабые места и «обманывают без зазрения совести».

«Обирая товар, промысел, они меняют товары: за соболя, белку купец наделяет вогула куском жёлтого мыла, дешёвым ситцем по тройной цене, подмоченным порохом, грошовыми пистонами, кремешками, везёт и бусы для баб, и медные солдатские пуговицы для кос, и старое избитое ружьё, и гнилое сукно для азямы» [4. С. 152].

В негативном контексте представлены и сборщики ясака. Они у Носилова – «вершители судеб», которым всё дозволено, которые, прикрываясь «государевым приказом», также бесцеремонно обирают и обманывают местного жителя. Писатель констатирует, что «край беднеет и вымирает», что «масса злоупотреблений», что «многое здесь нехорошо». Всё это

наводит читателя на мысль, что нужно непременно что-то делать, менять, восстанавливать справедливость.

Возникает тема будущего, характерная не только для этого, но и для некоторых других произведений автора. Здесь очерки Носилова перекликаются с работами другого писателя-этнографа конца XIX начала XX века – Николая Ядринцева. Они оба ратовали за освоение крайнего Севера, за «окультуривание» дикаря, за защиту его от «купца и заседателя», за заселение этого богатого края русскими. Таким образом, у читателя возникает образ Севера как географического, природного и социально-экономического пространства.

Особая заслуга Носилова как писателя заключается, прежде всего, в том, что он поставил перед собой задачу – развеять миф о крайнем Севере, прочно утвердившемся в сознании русского человека того времени. И он её прекрасно выполнил, противопоставив мифу массив фактов, характеристику действительного положения дел. Он заменил метафору статистикой, а мифологическую фантастичность – исследованием, избрав жанр этнографического очерка.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что северная тема стала ведущей и основополагающей в творчестве К. Д. Носилова. Сконцентрировав свои усилия на её глубоком изучении,

Константин Дмитриевич вошёл в историю как отличный знаток природы Севера, а также традиций и культуры аборигенных народов этой территории. Следует отметить, что Носилов стал первым писателем, который столь полно и подробно описал Крайний Север и воссоздал его объективный образ, учитывая как природные, так и социально-экономические особенности. Также впервые в отечественной и мировой литературе появился реальный образ обитателя этого необжитого края, абсолютно непохожий на описываемые ранее. И в этом, на наш взгляд, главная заслуга писателя. В настоящее время его очерки и наброски могут служить пособием для изучения реальной картины жизни на территории Крайнего Севера рубежа веков. Всё это делает его работы особо актуальными.

Список литературы

1. Бирюков, В. П. Писатель-земляк К. Д. Носилов // Путь к коммуне. 1958. 15 июля.
2. Инфантьев, П. П. Путешествие к лесным людям // Полярная звезда. 1990. № 1.
3. Носилов, К. Д. На Новой земле. Тюмень, 1997.
4. Носилов, К. Д. У вогулов. Тюмень, 1997.
5. Омельчук, А. К. К. Носилов. Свердловск, 1989.